

Старый деревенский староста, увидев, что Юнь Цзю выглядит значительно лучше, не мог сдержать радости. Этот парень вырос у него на глазах, и он лучше всех знал его характер. Теперь, видя, что Линь Е относится к нему хорошо, он чувствовал большое облегчение.

— Линь, вы уже решили, когда сыграете свадьбу?

Линь Е улыбнулся:

— Я планирую на восьмое число первого месяца. Моя а-мо сказала, что этот день благоприятный. Старый староста, вы обязательно должны почтить нас своим присутствием на свадебном пиру.

Услышав, что Линь Е собирается устроить свадебный пир, старый староста улыбнулся еще шире.

— Хорошо, хорошо, я обязательно приду.

Старый староста действительно заботился о Юнь Цзю, и оба, Юнь Цзю и Линь Е, это чувствовали. У них не было старших родственников, и они хотели в будущем чаще общаться со старым старостой, чтобы у них появился кто-то, кого они могли бы считать старшим.

Линь Е приносил подарки в каждую семью старших, которых посещал. Подарки были одинаковыми: бутылка вина и двадцать яиц. Линь Е не очень разбирался в тонкостях этикета, и изначально хотел принести мясо, но Линь а-мо остановила его.

Во время празднования Нового года в доме старосты и других старших собиралось много людей. Если бы Линь Е принес слишком дорогие подарки, это могло вызвать зависть у других семей, и кто-то мог бы подумать, что Линь Е специально пытается подольститься к старшим.

Хотя подарки уже были сокращены до минимума, двадцать яиц в глазах деревенских жителей все равно выглядели слишком щедро. Кроме дома старосты, где оставили все, в других домах взяли либо только вино, либо только яйца. После того как они поздравили всех, Юнь Цзю уже еле держался на ногах от усталости. Вернувшись домой, они сразу же отправились спать.

Спали они до самого вечера.

Линь Е проснулся от голода и, еще не вполне проснувшись, побежал на кухню. На плите стояли две тарелки с тушеным мясом и картошкой. Линь Е съел две большие миски пельменей.

Когда он принес еду в комнату Юнь Цзю, тот только начал просыпаться, позевывая. Проснувшись, Юнь Цзю несколько минут сидел на кровати с пустым взглядом, моргая.

Линь Е помахал перед ним тарелкой с пельменями. Юнь Цзю, наконец, пришел в себя. Он сначала удивился, а затем почувствовал сильное раздражение на себя. Как он, будучи мужем Линь Е, мог проспать до этого времени и позволить Линь Е готовить ему еду?

Хотя Юнь Цзю был зол на себя, но, увидев улыбку Линь Е, сразу забыл обо всем. Он послушно умылся и принялся за пельмени.

После пельменей Линь Е принес тушеное мясо с картошкой.

Юнь Цзю знал, что это неправильно, но чувство, что о нем заботятся, было настолько приятным, что он чуть не забыл, кто он такой. Он решил просто позволить себе немного

расслабиться.

По местным обычаям, после Нового года до пятого числа нельзя пользоваться ножом. Поэтому следующие несколько дней Линь Е питался различными солеными супами и кашами, изредка ел тушеные свиные ножки с арахисом. К пятому числу он уже чувствовал, что больше не может этого есть.

Шестого числа Линь а-мо составила список вещей, которые нужно было купить, и дала его Линь Е и Юнь Цзю. Она хотела пойти с ними, но, услышав, что они собираются в Город Юэ, решила не участвовать.

Шестое число было первым днем ярмарки, и как в городе, так и в поселке было очень многолюдно. Линь а-мо не любила большую суету.

Линь Е привязал лошадь к повозке и вышел из дома с Юнь Цзю.

Некоторые, увидев, что Линь Е выходит, решили воспользоваться его повозкой. Хотя в деревне были и телеги, но они были медленнее и платными.

Поэтому с раннего утра многие следили за воротами дома Линь Е, и, увидев, что он выводит лошадь, сразу же вышли и стали ждать у ворот.

Повозка Линь Е могла вместить только четырех-пятерых человек. Линь Е не хотел никого брать, но не хотел и обижать всех, поэтому выбрал нескольких близких знакомых.

Перед тем как сесть в повозку, Линь Е сказал им:

— Мы едем в Город Юэ, на обратном пути мы не сможем вас взять, потому что будем покупать много вещей.

Двое, услышав, что они едут в Город Юэ, отказались. Вещи в Городе Юэ были слишком дорогими, и обычные крестьяне не могли себе их позволить.

В итоге они взяли с собой четверых: Юнь Мэнъяна, Саньцзы, Чэнь Иньлина и младшего сына старосты, Юнь А-хао.

На самом деле, некоторые хотели поехать в Город Юэ, но, не будучи близкими с Линь Е, не стали настаивать.

Линь Е взял мягкую подушку для Юнь Цзю. Как только Юнь А-хао и Чэнь Иньлин сели в повозку, они сразу заняли подушку.

Они не только заняли подушку, но и своими маленькими сумками заняли место. Когда двое мужчин поднялись в повозку, они по привычке сели у входа, чтобы не сидеть слишком близко к герам.

Когда Юнь Цзю поднялся в повозку, свободных мест уже не осталось, и он вынужден был сесть рядом с Чэнь Иньлиным.

Юнь Цзю был высоким, и в повозке ему приходилось немного наклонять голову. Он осторожно подошел к Чэнь Иньлину и собирался сесть, как вдруг тот сказал:

— Что это за запах? Просто ужас.

Юнь Цзю замер. Увидев, что все смотрят на него, он невольно понюхал себя. На нем не было никакого запаха, в доме Линя он часто мылся и менял на чистую одежду.

Юнь Цзю решил, что речь не о нем, и спокойно сел рядом.

Юнь А-хао, увидев глуповатый вид Юнь Цзю, не смог сдержать смешка и бросил косой взгляд на него через Чэнь Иньлина.

Юнь Цзю смущенно посмотрел на свою одежду. Она была выбрана Линь Е, и в ней не было ничего плохого. Почему Юнь А-хао продолжает смеяться над ним?

Перед тем как тронуться, Линь Е заглянул в повозку, чтобы спросить, не укачивает ли Юнь Цзю. Но он увидел, что Чэнь Иньлин и Юнь А-хао заняли большую часть места, а Юнь Цзю, высокий парень, вжался в угол. Если бы только это, но они еще и своими сумками занимали пространство повозки.

Юнь Цзю, чтобы не касаться Чэнь Иньлина, вынужден был сжаться еще больше, боясь, что тот снова скажет что-то неприятное.

Лицо Линь Е потемнело, и он строго сказал:

— Юнь Цзю, чья это повозка?

Юнь Цзю удивился, не поняв сразу, почему Линь Е вдруг разозлился.

Он посмотрел на Линь Е и тихо ответил:

— Твоя?

Увидев, что Линь Е все еще хмурится, Юнь Цзю указал на себя и неуверенно посмотрел на него.

Рядом Чэнь Иньлин и Юнь А-хао изменились в лице. Они сообразили быстрее Юнь Цзю. Юнь А-хао поспешно потянул Чэнь Иньлина в сторону и с улыбкой сказал:

— Ах, Юнь Цзю, зачем ты там спрятался? Давай, Иньлин, подвинемся, дадим ему место. Юнь Цзю такой большой, мы потерпим, уступим место.

Юнь А-хао делал вид хорошего человека, но его слова полнились сарказма в адрес Юнь Цзю.

Линь Е, увидев, как они сдвинулись, обнажив подушку под собой, стал выглядеть еще мрачнее.

Если бы это был Линь Е до Конца света, он бы не стал обращать на это внимания, ведь это были мелочи. Но сейчас все было иначе. Во-первых, Юнь Цзю был его мужем, и лучшее должно было доставаться ему. Во-вторых, они оба были герами, в этом мире они принадлежали к одной категории, так почему Юнь Цзю должен был терпеть, что им помыкают?

Линь Е не смог сдержаться и решил разобраться.

— Юнь Цзю, это наша повозка. Даже если мы никого не подвезем, это вполне нормально. — Хотя эти слова были адресованы Юнь Цзю, любой дурак понимал, что Линь Е намеренно говорит это для двух геров. Смысл был прост и ясен: повозка их, и если им что-то не нравится, они могут высадить всех.

Лицо Чэнь Иньлина побледнело. Ему не нравилось, как Линь Е с ним разговаривает, его слова были полны скрытого смысла и колкостей. Раньше Линь Е хотя бы был холодным, но учитывал их статус гербов и относился к ним с уважением. Но сегодняшний Линь Е казался совершенно другим, и его слова были острыми.

Однако Чэнь Иньлин знал только то, что ему не нравился тон Линь Е, но сам он не замечал, как его собственные слова ранят других.

<http://bllate.org/book/16719/1537187>